

ОТДѢЛЪ IV.

ПРИЛОЖЕНИЯ:

I.

ПОНЕВѢЖСКИЕ ГОВОРЫ ЛИТОВСКАГО ЯЗЫКА.

(Продолжение; см. Пам. Кн. Ков. губ. 1898 г.).

Начавъ въ прошломъ году наше изслѣдованіе Поневѣжскихъ говоровъ литовского языка, мы,—въ виду техническихъ трудностей, которыми задерживался своевременный выпускъ изданія—вынуждены были прервать свою статью на вопросъ объ акцентуаціи. Исполняя свое обѣщаніе, выраженное въ концѣ I главы этого изслѣдованія, мы обратимся къ дальнѣйшему изложенію морфологическихъ и лексическихъ особенностей упомянутыхъ говоровъ. Считаемъ, однакоже, необходимымъ сказать предварительно нѣсколько словъ по поводу вышедшей весною текущаго года брошюры епископа Антонія Бараповскаго „Замѣтки о литовскомъ языке и словарь“, въ которой VII глава специально посвящена описанію говоровъ литовского языка вообще и поневѣжскихъ говоровъ въ частности. Въ этомъ въ высшей степени цѣнномъ труде лишь вкратцѣ изложены особенности второго восточного верхне-литовского говора, тогда какъ въ нашемъ изслѣдованіи вопросы, важные для литовской грамматики, разработаны съ большою подробностью.

Въ виду этого мы считаемъ полезнымъ продолжить наше изслѣдованіе, не входя въ критическую оцѣнку упомянутаго труда и не измѣня ни плана ни содержанія нашей работы, такъ какъ она имѣть свое самостоятельное значеніе.

Правописаніе наше, какъ сказано въ первой главѣ, обусловливается непреодолимыми типографскими затрудненіями и состоитъ въ слѣдующемъ:

1. Гласные звуки: а) *краткие* обозначаются едиличными буквами *обыкновенной* величины: „и“, „и“, „ö“, „o“, „a“, „e“, „ë“, „i“, „ç“, „oe“, изъ которыхъ *узкие*: „и“, „ö“, „e“, „ç“ произносятся: какъ русское „у“, пѣмецкое „oh“ (въ словѣ *Mohn*), французское „é“ fermé и русское „и“; *широкие* же: „и“, „o“, „a“, „e“, „i“—какъ нѣмецкое „u“ (въ словѣ *Mutter*), русское „о“ (въ словахъ: то, кто, перо), русское „а“, французское „e“ ouvert и нѣмецкое „i“ (въ выражениі „ich bitte“); „oe“, наконецъ, какъ нѣмецкое „ö“ (въ словѣ „*Stöcke*“) или французское „ea“ (въ „*repulse*“). — б) *кратчайшіе* или *полунѣмые* выражаются *петитными* гласными буквами: „i“, „a“, „e“, „i“ и оборотнымъ *обыкновенной* величины „ø“, звучащимъ какъ французское „e“ tue (напр., въ члѣпѣ „le“ передъ согласнымъ). — в) *долговатые* или гласные *средняго количества* отмѣчаются *неравномѣрными* сочетаніями гласныхъ буквъ *обыкновенной* величины съ *петитными*: „aa“, „aa“ и т. д.—г) *доліе*, наконецъ, изображаются *равномѣрными* сочетаніями гласныхъ буквъ *обыкновенной* величины: „aa“, „ee“ и т. д.—Сильноударные гласные обозначаются соотвѣтственными буквами *жирного шрифта*, употребляемыми также и для обозначенія *интонацій* сильноударныхъ долгихъ и долговатыхъ гласныхъ слѣдующимъ образомъ: а) *сильноначальная* или *нисходящая* интонація изображается сочетаніемъ двухъ гласныхъ буквъ *обыкновенной* величины, изъ которыхъ *первая* напечатана *жирнымъ шрифтомъ*, напр., „oo“, „aa“; б) *сильноконечная* или *всходящая*—такимъ же сочетаніемъ съ *жирной второю*, какъ въ монографияхъ, напр., „oo“, „aa“, такъ и въ дифтонгахъ, не только гласныхъ, напр., „аш“, „аç“, но и въ гласно-сонорныхъ, напр., „аг“, „el“, „im“, „ип“ и т. д., при чёмъ жирные буквы во второй части дифтонговъ того и другого рода равносильны Куршайтисовыи гласныи и сонорныи буквамъ съ извилиницией циркумфлексомъ; в) *сильносрединная* или *всходяще-нисходящая*, если гласный *дологъ*,—сочетаніемъ трехъ гласныхъ буквъ, а именно жирной буквы *обыкновенной* величины между двумя петитными, напр., „aaa“; если же онъ *долговатъ*, то *неравномѣрное* сочетаніе гласной буквы *обыкновенной* величины и *обыкновенного* шрифта съ *петитною* само по себѣ обозначаетъ главную

восходяще-нисходящую интонацию, напр., въ нижнелитовскомъ „vaanags“. Но интонации слабоударныхъ долгихъ гласныхъ и дифтонговъ обозначаются безъ помощи жирного шрифта, неравномернымъ сочетаниемъ гласныхъ и сонорныхъ буквъ обыкновенной величины съ петитными, а именно: *сильноначальная* — посредствомъ сочетания *обыкновенной* буквы съ *петитной*, напр., „ёё“, „öö“, „Чч“, „шш“, „аам“ „ааг“ и т. д.; *сильноконечная* — посредствомъ сочетания *петитныхъ* буквъ съ *обыкновенными*, напр., „ёё“, „öö“, „Чч“, „шш“, „аш“, „аг“ и т. д. Такимъ образомъ одно и тоже сочетание, напр., „за“, *смотря по обстановке*, обозначаетъ сильноударную восходяще-нисходящую интонацию *долгового* гласного, напр., въ упомянутомъ нижне-лит. „vaanags“ и слабоударную нисходящую *долгого* гласного, напр., въ Велионскомъ „vaakaag“ (вчера).

2. Сочетания согласныхъ буквъ: „sch“, „zch“, „tsch“, „dzch“ изображаютъ согласные звуки, равносильные русскимъ: „ш“, „ж“, „ч“, „дж“, сочетания же всевозможныхъ согласныхъ съ „j“ выражаютъ мягкое ихъ произношение, соответствующее, напр., сербскому „nj“ въ речениѣ „konj“.

II. Морфологические особенности.

Поневѣжскіе говоры представляютъ довольно значительный интересъ для науки по отношенію къ А) склоненію и Б) спряженію.

A. Склоненіе.

1. Именительный падежъ един. числа основъ на пралит. „-aa-“ оканчивается на „-øθ“: „-ø“, въ отличие отъ западно-верхнелитовскаго „-a“, „-a“, напр., Вобольник. „schakoe“ (вѣты), „ljoegoe“ (болѣзнь)=Посв. „schakə“, „ljoegə“. Такъ какъ Вобольникскій говоръ сохраняетъ пралитовскій краткій гласный „a“ въ конечныхъ ударяемыхъ слогахъ, напр., „kas“ (кто), „anas“ (оный), то „schakoe“, „ljoegoe“ и т. п., восходя къ пралитовскимъ „*schaka-a“, „*ligaa“, доказываютъ, что западноверхнелит. и жемайтскія „schaka“, „liga“ и т. п. получили краткій „-a“ въ отдѣльной диалектной жизни.—Общепо-

невѣж. „*too*“ (та, эта), напр., въ Вобольник., Помпян., Посв. „*too mergaацte*“ (эта дѣвица) имѣеть долгое окончаніе „-oo“ (=индоевроп. „-aa“), благодаря тому обстоятельству, что мѣстоименныя основы на „-aa-“ въ Поневѣжскихъ говорахъ не перешли въ аналогію существительныхъ, подобно западноверхнелит. и жемайтскому „*ta*“ (та, эта). Считаю неизлишнимъ присовокупить, что въ Шавельскомъ уѣздѣ, между Янавками и Жагорами, употребляется, по личному сообщенію проф. кс. Ю. Шимайтиса, слитная форма „*too-ваац*“ (эта то), замѣчательнаа какъ по сильноконечной интонаціи, тождественной съ Поневѣж. „*too*“, такъ и по усиливательной частицѣ „-ваац“ (=др.-инд. „*ваац*“).

2. Имен. ед. основъ на „-ij-“, не имѣющихъ первоначально ничего общаго съ основами на „-ja-“ (=индоевроп. „-jo-“) въ Поневѣжскихъ говорахъ оканчиваются на „-Ч-s“, независимо отъ мѣста ударенія; ср., напр., Вобольник. „zchoodq̄s“ (слово), „arklq̄s“ (лошадь)=Посв. „zchoodq̄s“, „arrklq̄s“ съ Веліон., Тильзит. „zchoodis“, „arklq̄q̄s“, Хвейдан. „zchwidis“, „arklq̄q̄s“, Ретов. „zchwidis“, „arrklq̄q̄s“. Такъ какъ въ Поневѣжскихъ говорахъ „zchoodq̄s“, „arklq̄s“: „arrklq̄s“ и пр. рѣзко отличаются отъ основъ на „-i-“, напр., въ Вобольник. „akjis“ (глазъ), „eschis“ (ось), „ašsis“ (ухо) „schirrdis“ (сердце), то ясно, что окончаніе „-Ч-s“ первоначально не тождественно съ „-i-s“, а обязано своимъ происхожденіемъ пралитовскому „-ЧЧ-s“ (=др.-инд. „-ЧЧ-s“, напр. въ „rathq̄q̄s“, „a-rathq̄q̄s“.) Что Поневѣжскія баритонныя формы: „zchoodq̄s“ и т. п. произошли изъ пралит. „*zchaadq̄q̄s“, а не изъ „*zchaadis“, доказывается, во-первыхъ, окраскою гласнаго „-Ч-“, въ отличіе отъ „-i-“; во-вторыхъ, нижнелитовскою Корцянскою (Тельшевскаго у.) формою „zchwidq̄s“, отличною по окончанію отъ Корцянского „schirrdis“ (сердце); въ-третьихъ, своеобразною особенностью Равдзянскаго говора (Шавельскаго у.), которую я, пользуясь гостепріимствомъ кс. В. К. Денбскаго, въ 1897 году наблюдалъ на мѣстѣ и которая состоитъ въ томъ, что широкіе гласные „e“, „i“, „u“ переходятъ въ узкіе „ё“, „Ч“, „ш“, если въ слѣдующемъ слогѣ стоялъ исключи долгій гласный „ЧЧ“; такъ, напр., вместо Хвейданскихъ „seenis“ (старикъ), „zchilis“

(съдой человѣкъ), „kuurmis“ (кротъ)=Корцян. „seenq^s“, „zchilq^s“, „kuurm^s“; въ Равдзянахъ говорять: „sēenis“, „zchylis“, „kshiurm^s“, вин. ед.: „sēenq“, „zchylq“, „kshyrm^q“; но въ род. ед. Равдзянскій говоръ, подобно Хвейданскому, произносить: „seenē“, „zchile“, „kuurme“; въ-четвертыхъ, наконецъ, тѣмъ фактомъ, что вмѣсто „zchoodis“ нигдѣ не говорится „*zchoots“, на что справедливо указываетъ д-ръ Куршайтисъ въ § 520 своей литовской грамматики. Слѣдовательно, мнѣніе Ф. Н. Финка, по которому „*zchoodis“ имѣть баритонное индоевропейское окончаніе „-is“¹⁾ лишено всякаго основанія.

3. Вмѣсто Тильзит. им. ед. „schuo“ (собака)=Ретов. „schōoш“, Хвейдан. „schušš“, др.-инд. „çuaa“, въ деревнѣ Гелажи (Вобольник. прих.) говорять „schuva“ и „schuvu“, изъ которыхъ первое есть им. ед., соответствующій др.-греческому „ky-oon“, подобно тому какъ Гелажское „akma“ соответствуетъ др.-греческому „aktoon“; второе фолетически правильно развилось изъ пралит. „*schuvan“ (=др.-греческ. зват. „ку-on“) и представляетъ собою примѣръ употребленія зватательного падежа вмѣсто именительного. Въ деревнѣ Думблюны (того же прихода), рядомъ съ „schuvu loojə“ (собака лаетъ), говорять и „schunje loojə“, гдѣ „schunje“ есть звателный падежъ по аналогіи основъ на „-i-“ (ср., напр., Вобольп. „vagjə“ съ Тильзит. „vagiə“), употребляемый также вмѣсто именительного. Замѣтимъ кстати, что и западноверхнелит. Веліонскій говоръ пользуется, вмѣсто именительного, звателнымъ падежемъ „schuva“ (=Вобольник. „schuvu“, др.-греч. „ку-on“), въ противоположность ближайше родственному Тильзит. говору, гдѣ уцѣлѣлъ им. ед. „schuo“ (=др.-инд. „çuaa“).

4 Междудомъ какъ говоры Линковскій, Криничинскій и др. рядомъ съ род. ед. муж. р. „taa“ (того, этого), происхожденіе котораго изъ пралит. нестянутой формы „*ta-a“ (=др.-греч. „toio“, др.-инд. „tasja“) изложено выше, употребляютъ род. ед. жен. р. по существительному склоненію: „toos“ (той, этой, = др.-греч. „tees“: „taas“), Помпянскій говоръполь-

¹⁾ См. его изслѣдованіе: Über das verhältniss des baltisch-slavischen nominalaccents zum urindogerm., стр. 46.

зуется не только родительнымъ ед. муж. р. „taa“, но и род. ед. жен. р. „taas“ (той, этой = пралит. „*ta-aas“, др.-инд. „tasjaas“) по мѣстоименному склоненію. Замѣчательно, что въ Помпянскомъ говорѣ род. ед. жен. р. „taas“ исполняетъ функцию и именительнаго мн. того-же р. вмѣсто Тильзит. „toos“ (тѣ, эти=Хвейдан., Ретов. „tшoos“, др.-инд. „taas“), въ отличіе отъ Помпянского вин. мн. жен. р. „toos“ (=др.-инд. „taas“, Тильзит., Хвейдан. и Ретов. „tas“ съ краткимъ гласнымъ). Этотъ перевось формы родительнаго ед. жен. р. въ именительный мн. объясняется интонаціонными обстоятельствами: въ пралитовскомъ языкѣ рядомъ съ мѣстоименнымъ род. ед. „*ta-aas“ (=др.-инд. „tasjaas“) употреблялось „*taas“, по существительному склоненію и съ сильноначальной интонациєю (= др.-греч. „tees“: „taas“), тождественное по формѣ и по интонаціи съ пралит. именительнымъ мн. жен. р. „*taas“ (=др.-инд. „taas“), перешедшимъ, въ силу 8-го закона, въ современный имен. мн. жен. р. Тильзит. „toos“, Хвейдан. и Ретов. „tшoos“ (тѣ, эти), но отличное отъ вин. мн. жен. р. „*taas“ (=др.-инд. „taas“) съ исконною сильноконечной интонациєю. Вслѣдствіе тождества сильноначальной интонаціи въ род. ед. и имен. мн. существительной формы „*taas“, параллельная мѣстоименная форма „*ta-aas“, свойственная только родительному ед. числа, въ Помпянскомъ говорѣ стала употребляться и въ имен. мн., не распространяясь на отличный по первоначальной интонаціи винительный мн. числа. Что въ пралитовскомъ языке род. ед. жен. р. и имен. мн. „*taas“ имѣли сильноначальную интонацију, въ противоположность винительному мн. „*taas“, будетъ доказано ниже.

5. Въ Вобольникскомъ говорѣ отъ основъ на „-а-“ употребляется дательный ед. на „-ё“ (=пралит. „-аац“), напр. „ү҃ңгё“ (мужу), окончаніе которого тождественно по формѣ съ окончаніями именительнаго мн. „ү҃ңгё“ (мужья, мужи = Тильзит. „ү҃ңггаai“) и дательного ед. основъ на „-аа-“, напр., „merrgё“ (служакѣ). Въ Пам. Кн. Ков. губ. на 1891 г. я сообщилъ слѣдующее: „Въ пѣкоторыхъ говорахъ Вилкомирскаго у., напр., въ Добейской волости, дательный падежъ един. ч. существительныхъ мужескаго р. 1-го склоненія оканчивается на дифтонгъ „-ац“ вмѣсто западноверхнелитовскаго окончанія „-иц“,

напр., „taam“ „uččgač“ (этому мужу) вм. „taam uččgič“, такъ что дательный ед. числа по формѣ не отличается отъ им. мн. „tje uččgač“ (эти мужи) ¹⁾. Вобольникскій дат. ед. „uččgē“, Добейскій и пр. „uččgač“ обязаны своимъ происхожденiemъ не переносу женскаго окончанія „-аč“ (напр. въ „merrgē“: „pjarrgač“) на существительныя мужескаго рода, а уподобленію окончанію пралитовскаго дательного един. ч. мѣстоименнаго склоненія: „*tamaač“ (тому, этому), перешедшаго, вслѣдствіе параллели въ именительномъ ед. „tas-ač“: „tas“, въ современныя Тильзит., Хвейдан., Ретов. и пр. „taam“, Вобольник., Помиян., Посв. „taam“. Въ пралитовскомъ языкѣ говорили: „tamaač *uččgōč“ (=Тильзит. „taam uččgič“), вмѣсто которыхъ явились, съ обобщенiemъ существительного окончанія, „taampi uččgič“ (у каноника Даукшаса въ Постиллѣ 1599 г.) и, съ такимъ-же обобщенiemъ мѣстоименнаго окончанія, „taam uččgdc“ (въ восточноверхнелитовскихъ говорахъ); при чемъ не надо упускать изъ виду, что обычное объясненіе общелитовскаго дательного „taam“: „taam“ изъ „taamič“ противорѣчитъ звуковымъ законамъ литовскаго языка: утрата предполагаемаго окончанія „-иč“ не могла совершиться ни фонетическимъ, ни ассоціативнымъ путемъ. Пралитовскому „*tamaač“ правильно соотвѣтствуетъ окончаніе „-ti“ въ латышскихъ: „jaipamī“ (молодому), „teevamī“ (отцу), „vgaaljami“ (брату) и пр., съ обыкновеннымъ переходомъ латышско-литовскаго конечнаго дифтонга „-aač“ въ латышскій краткій монофтонгъ „-i“; предлагаемое Биленштейномъ ²⁾ объясненіе только что упомянутыхъ латышскихъ формъ изъ окончанія творительного падежа „-ti“ не согласно съ латышскими звуковыми законами.

6. Эмфатический звателный па „-ö“ (=пралит. „-aač“ въ Поневѣжскихъ говорахъ употребляется гораздо чаще, нежели въ западноверхнелитовскомъ поднарѣчіи; ср., напр., Гелажское „roonö“ (=Равдзян. зват. „ršonaa“), Посв. „vačkē“ (съ твердымъ k), Помиян. „kščnigö“ (съ твердымъ g) и пр. съ Тильзит. „roonö“, „vačkje“, „kunigje“. Посвольскому „vačkē“

¹⁾ См. отд. отт. „Вілкомир. у.“ 1890, стр. 10.

²⁾ Die lettische spr. 1864, § 333.

(=прадл. „*vaajukaaq“) соответствуют латышскія „deeli“, „kriavi“¹⁾, съ фонетически правильнымъ переходомъ латышско-литовскаго „-аац“ въ латышскій краткій „-и“. Въ прусско-латышско-литовскомъ прайзыкѣ звателный ед. на „-аац“ употреблялся передъ гласными, а соответствующій ему звателный на „-аа“ (съ устратою второго элемента тяжелаго дифтонга „-аац“) — передъ согласными; первое окончаніе обобщено въ „roonē“, „vaatkē“, „kāspīgē“ и въ латыш. „deeli“, второе — въ прусск. „Deiva“, „taava“ и въ старолатыш. „Jēekuba“²⁾. Послѣднимъ формамъ соответствуютъ слышанные мною въ г. Казани, изъ устья народа, русскіе звателные ед. числа: „Пётра“, „Лександра“ и пр. отъ существительныхъ „Петръ“, „Александъ“. Замѣчу кстати, что прусск. „taava“, латыш. „Jēekuba“, русск. „Пётра“ состоять въ этимологической связи съ древне-классическими основами мужескаго рода на „-аа-“, напр., др.-греч. „neaaniaa-s“, латин. „verna“ и т. п.

7. Творительный ед. числа основъ на „-аа-“ оканчивается въ Поневѣжскихъ говорахъ на краткій „-и“, напр., въ Вобольник. „su tu“ (съ тою)=Тильзит., Хвейдан., Ретов. „su ta“, въ противоположность винительному ед. тѣхъ-же основъ: Помпян., Посв. „töö“, Вобольник., Криничин. „tishi“ (=др.-инд. „taam“), имѣющему долгій гласный въ окончаніи. Такъ какъ вышеупомянутыя „schuvu“, „schuvu“ (=прадл. „*schuvan“) и Вобольник. „kadu“ (когда), „tadu“ (тогда)=Тильзит., Хвейдан. „kada“, „tada“, др.-инд. „kadaa“, „tadaa“ (изъ „*kadaan“, „*tadaan“; ср. сдвинутое съ усилительной частицею „-ццм“ „tadaan-ццм“ и др.-лит. „kadan-gi“, „tadan-gi“ въ Даукшасовой Потиллѣ 1599 г.) имѣютъ также краткій гласный „-и“, то мы приходимъ къ заключенію, что прадл. сочетанія „-ап“ и „-аап“ развились въ Поневѣжскій краткій „-и“, а сочетанія „-ам“ и „-аам“ — въ „-öö“: „-ши“. Стало быть, въ прадл. языкѣ творительный един. ч. основъ на „-аа-“ имѣлъ окончаніе „-аап“, въ отличіе отъ окончанія вин. ед. „-аам“³⁾.

¹⁾ Биленштейнъ, ibid. § 326.

²⁾ См. у Биленштейна въ цит. м.

³⁾ См. Пам. Ки. Ков. губ. на 1893 г. Отд. II, стр. 124 и сл.

8. Мѣстный падежъ ед. числа основъ на „-а-“ оканчивается въ Поневѣж. говорахъ на краткій „-і“, напр., въ Больник. „mischkij“, Посв. „mischkij“ (въ лѣсу) =Хвейдан. „mischkji“, Тильзит. „mischkje“. Объясненіе этихъ формъ со-пряженіо съ большими трудностями. Прежде всего мы обращаемъ вниманіе на несостоительность мнѣнія г. А. Meillet'a¹⁾, утверждающаго, что западноверхнелитовское „dvare“ произошло изъ индоевроп. „*dhvoree“, и Ф. Н. Финика²⁾, полагающаго, что западноверхнелит. „Diëve“ имѣть первоначальное окончаніе „-ee“; такъ какъ индоевроп. долгій гласный „-ee“ никогда не сокращается въ Поневѣж. краткій „-і“, то упомянутыя формы никоимъ образомъ не могутъ восходить къ прототипному „*mischkee“. Затѣмъ, епископъ Барановскій³⁾, принималъ во вниманіе правильное соотношеніе между происшедшими изъ пралит. риностоматического гласного „en“ восточноверхнелитовскимъ „-і“ и западноверхнелитовскимъ „-e“, возсоздаетъ прототипную форму съ риностоматическимъ „-en“, какъ общий источникъ для восточноверхнелитовскаго „kliponī“, жемайтскаго съверозапад. „klööshnī“, юговост. „klipshnī“ и западноверхнелитовскаго „klipone“. Въ подтвержденіе этой, на мой взглядъ—единственно возможной прототипной формы, я прибѣгаю къ слѣдующимъ соображеніямъ. Приводимыя, по моему письменному сообщенію, г. Г. Веберомъ⁴⁾ нижнелитовскія формы мѣстнаго падежа ед. числа мѣстоименнаго склоненія: „gjaramēējčē“ (въ добромъ), „mazchamēējčē“ (въ маломъ) доказываютъ, что соответственныя жемайтскія формы нечленнаго склоненія „gjarami“ (en agathooi), „mazchami“ (en mikrooi) произошли изъ прототипныхъ: „*geramēn“, „*mazchameñ“. Такъ какъ окончаніе „-men“ нельзя отожествлять съ др.-инд. „-smiñ“ (напр., въ „tasmin“), то мы необходимо должны предположить окончаніе „-mi“ (=абест. „-hmi“), которое въ связи съ постпозиціею „en“ (=др.-греч. „en“, латин. „in“), черезъ посредство переходной

¹⁾ Mémoires de la soc. de lingu. de Paris, 1893. т. 8, стр. 239.

²⁾ Über das verhältniss d. balt.-slav. nominalaccents zum urindogerm. стр. 47.

³⁾ Ostlit. Texte, XVI.

⁴⁾ Archiv für slavische Philologie, т. 4, стр. 592 и сл.

формы „-mj-en“, дало „-men“ (ср. „svetē“ вместо ожидаемого „*svetje“). Такимъ образомъ Тильзитскія „tame“, „gerame“, „mazchame“, Хвейданскія „tami“, „gjarami“, „mazchami“ возникли изъ прототипныхъ „*tamjen“, „*geramjen“, „*mazchamjen“, носовой плавкъ которыхъ фонетически правильно продолжаетъ существовать въ упомянутыхъ Хвейданскихъ членныхъ формахъ: „gjaramēn-jq“, подъ прикрытиемъ мѣстного пад. ед. числа мѣстоименія „jis“, по существительному склоненію (ср. Хвейдан. „kishiјq“, въ молотъ, отъ им. ед. „kishiјis“). Да-лѣе, не подлежить сомнѣю, что соответствующіе др.-греческимъ: „oikoi, oikei“, „teeloi“ мѣстные падежи ед. числа въ литовскомъ языке должны были, на основаніи звуковыхъ законовъ, получать въ окончаніи общей всѣмъ говорамъ краткій гласный „-i“. Такіе мѣстные падежи уцѣлѣли въ Тильзит., Хвейдан. нарѣчіяхъ: „tooli“ (далеко), „arti“ (близко), „anksti“ (рано). Слѣдовательно, индоевроп. мѣстный пад. ед. числа „*Deivoi, *Deivei“ (=др.-инд. „Deevee“), съ переходомъ „-oi“, „-ei“ въ „-i“ и съ присоединеніемъ вышеупомянутой постпозиціи „en“, фонетически правильно развился въ Тильзит. „Diëve“, Ретов. „Dëčvi“, Хвейдан. „Dqčvi“, Помпян., Посв. и пр. „Dqevis“.

9. Изъ падежей мн. числа заслуживаетъ вниманія винительный основъ на „-aa-“: Вобольник. „toos“ (eas), „schakoes“ (ramos), „ljoegoes“ (morbos), вместо Тильзит., Хвейдан. „tas“, „schakas“, „ligas“. Такъ какъ Вобольникскій краткій гласный „-oe“ возникъ изъ „-oo“ въ отдѣльной жизни этого говора, то западнoverхнелитовское и жемайтское окончаніе „-as“ не можетъ восходить къ литовскому прайзыку.

10. Въ деревнѣ Прусели (Вобольник. прих.) употребляютъ нарѣчія: „dv̄česə“ (вдвое), „tr̄česə“ (втроемъ), „kjaturčesə“ и пр., которымъ соответствуютъ Ретовскія: „dv̄čjaash“, „tr̄čisu“, „kjaturčēqsu“, „rēnkēqsu“ и пр., Хвейдан. „dr̄čjaash“, „tr̄čisu“ (=др. инд. „trishu“), „kjaturčqsu“, „rēnkčqsu“ и пр., представляющія собою дѣйствительныхъ продолжателей индоевроп. мѣстного падежа мн. числа на „-su“ и доказывающія, что современный мѣстный пад. мн. числа на Тильзит. „-uos-e“ (напр., „keturjuose“), Хвейдан. „-šns-i“ (напр. „kjaturjšnsi“) есть не иное что, какъ новообразованіе. Само собою понятно, что

Прусельскія „dv̄cesə“, „tr̄cesə“ обязаны своимъ окончаніемъ „-cesə“ вліянію послѣдующихъ числительныхъ: „kjaturcesə“, „pinkcesə“ и пр.

11. Въ Пруселяхъ рядомъ съ род. „taa“ (того, этого), твор. „t̄šo“ (тѣмъ, этимъ), род. мн. „t̄šiš“ (тѣхъ, этихъ), им. ед. „jī“ (она) употребляютъ усиленныя формы: „ta-në“, „to-në“, „tu-në“, „jī-në“, усилительная частица которыхъ имѣеть вторичное происхожденіе: по примѣру имен. ед. „tas-ač“ стали присоединять „-ač“ и къ род. мн. * „t̄šišn“ (=Хвейдан. „t̄šišn“, др.-греч. „toon“; вслѣдствіе звуковыхъ перемѣнъ, съ теченіемъ времени рядомъ съ „t̄šiš“ произносилось „tu-n-ë“ съ кажущеюся частицею „-n-ë“, которая и подверглась обобщенію.

12. Сопоставляя общепоневѣжское „too“ (им. ед. та, эта), Помпіан. „t̄öö“ = Вобольник. „t̄šiš“ (вин. ед. ту, эту) съ др.-греческими „hee: haā“ (которая), „teən: taan“, мы замѣчаемъ, что индоевроп. восходящая интонація конечныхъ слоговъ въ Поневѣж. говорахъ не подверглась измѣненію, между тѣмъ какъ писходящая, или сильноначальная тѣхъ-же слоговъ, въ силу нашего 8-го закона, перешла въ восходящую; ср., напр., Линков., Криничин., Вобольник. „toos“ (род. ед. той, этой), „t̄šiš“ (род. мн. тѣхъ, этихъ), Вобольник. „tač“ (дат. ед. той, этой) съ соотвѣтственными др.-греческими формами „tees: taas“, „toon“, „teei: taai“. Въ виду этого страннаго, свойственнаго всѣмъ литовскимъ говорамъ совпаденія сильноначальной и сильноконечной индоевропейскихъ интонацій въ одной сильноконечной—въ окончаніяхъ грамматическихъ формъ, весьма важно какъ для литовской, такъ и для индоевропейской сравнительной грамматики опредѣлить пралитовскія интонаціи конечныхъ слоговъ. Для достиженія этой цѣли мы пользуемся двумя: средствами: 1) нижелитовскимъ второстепеннымъ удареніемъ членныхъ прилагательныхъ и 2) старинными сдвигеніями двухъ словъ въ одно, совершившимися до дѣйствія нашего 8-го закона. 1) Предлагаемъ здѣсь полный образецъ нижелитовского членного склоненія. Един. число: имен. и зват. „raschčttaasis“ (ho graptos), „raschčtšoji“ (hee grapteθ); род. „raschčtšoje“ (tou grapton), „raschčtšoses“ (tees graptees); дат. сѣверозап.

„rasch^Чqtōoшjōш“ (tooi graptoi) = юговост. „rasch^Чqt_шшшjшш“, „rasch^Чqt_шaajee“ (tēei grapteei); вин. rasch^Чqtōöñji“ (ton grapton и teen grapteen); твор. сз. „rasch^Чqtōшju“ (syn tooi graptooи) = юв. „rasch^Чqt_шшju“, „rasch^Чqtōшje“ (syn teei graptēei); мѣстн. „rasch^Чqtamēñjhē“ (en tooi graptooи), „rasch^Чqt_шojoшо“ (en teei graptēei); двойств. ч.: им., зв. и вин. сз. „tōöшdu rasch^Чqtōшju“ (too graptoo) = юв. „t_шшшdu rasc^Чtt_шшju“, сз. „tēëqdv_ш rasch^Чqtēшji“ (taa graptaa) = юв. „t_шq_шdvi rasch^Чqt_шq_шji“; род. сз. „tōöшdu_шs rasch^Чqtōöшju_шs“ (toin graptoin) = юв. t_шшшdu_шs rasch^Чqt_шшju_шs“, сз. „tēëqdvim_шs rasch^Чqtēёшjim_шs“ (tain graptain) = юв. „t_шq_шdvims rasch^Чqt_шq_шjim_шs“; дат. сз. „tōöшdu_шm rasch^Чqtōöшju_шm“ (toin graptoin) = юв. „t_шшшdu_шm rasch^Чqt_шшju_шm“, сз. „tēëqdvim rasch^Чqtēёшjim“ (tain graptain) = юв. „t_шq_шdvim rasch^Чqt_шq_шjim“; твор. сз. „tōöшdu_шm rasch^Чqtōшju_шm“ (syn toin graptoin) = юв. „t_шшшdu_шm rasch^Чqt_шшju_шm“, сз. „tēëqdvim rasch^Чqtēёшjim“ (syn tain graptain) = юв. „t_шq_шdvim rasch^Чqt_шq_шjim“; множ. ч.: им. и зв. сз. „rasch^Чqtēёшjee“ (hoi graptoi) = юв. „rasch^Чqt_шq_шjee“, „rasch^Чqt_шooses“ (hai graptai); род. „rasch^Чqt_шшnju“ (toon graptoon); дат. „rasch^Чqt_шq_шq_шq_шms“ (tois graptois), „rasch^Чqt_шoosjшoms“ (tais graptais); вин. „rasch^Чqt_шшnjsus“ (tous graptous), „rasch^Чqt_шooses“ или rasch^Чqtōnses“ (taas graptas); твор. „rasch^Чqt_шaasees“ (syn tois graptois), „rasch^Чqt_шojsjшomis“ или „rasch^Чqt_шoosjшoms“ (syn tais graptais); мѣстн. „rasch^Чqt_шшnjsjшnsi“ (en tois graptois), „rasch^Чqt_шuiosjшosi“ (en tais graptais). На основавіи нашего 9-го закона о появленіи и отсутствіи нижнелитовскаго второстепеннааго ударенія, мы восстановляемъ вполнѣ достовѣрныя пражемайтскія, въ громадномъ большинствѣ случаевъ тождественныя съ пралитовскими, формы мѣстонименія „jis“: а) съ сильновачальною интонаціею: им. ед. муж. р. „*Чq_шs“ (ср. „Чq-d-ant“ = нѣм. auf dass, чтобы, у С. Станевича, въ предисловіи къ переизданію, 1829 г., литовской грамматики анонимнаго автора ¹⁾: I,26; II,33; III,30 и VII,13, гдѣ, для обозначенія сильновачальной интонаціи, употребляется угловатый циркумфлексъ надъ „i“,

¹⁾ Universitas linguarum Lituaniae, 1737.

какъ и въ словѣ „*v̄qras*“ V,5); род. мн. р. „*jaas“, ж. „*jaas“; дат. м. „*jööj-a“, ж. „*jaaq“; вин. м. и ж. „*jäqsh“; мѣстн. ж. „*jaaj-a”; мн. ч. им. м. „*jaaq“, ж. „*jaas“; род. м. и ж. „*jäshim“; твор. м. „*jaaqsh“; б) съ сильноконечную интонациєю: им. и зв. ед. ж. „*jäq“; твор. м. „*jöö“, ж. „jaal“; им., зв. и вин. двойств. м. „*jöö“, ж. „jaq“; вин. множ. м. „*jööns“ (передъ гласными), „*jöös“ (передъ согласн.), ж. „*jaas“. Нельзя не обратить вниманіе на поразительное сходство между пралитовскими: „*qqs“, „*jäqsh“, „*jaas“ (изъ „*ja-a“), „*jaas“, „*jööj-a“, „*jaaq“, „*jäshim“ и др.-греческими: „kiis“ (по Эсхріону ¹⁾), „kiin“, „hoo“, „hees: haas“, „hooi“, „heei: haai“, „hoon“ съ одной стороны, и пралит. „*jöö“, „jaq“, „*jööns“, „*jaas“, др.-греч. „hoo“, „hai“, „bous“, „haas“ съ другой. 2) Эти результаты подтверждаются интонаціями сдвинутыхъ формъ: въ дер. Пугры (Посвольского прих.) говорятъ „varaatiqnlq“ (паутина), „galvash-galq“ (изголовье кровати), гдѣ родительные „varaas-“, „galvash-“ по интонаціи согласны съ пралитовскими „*jaas“ (или „*ja-a“), „*jäshim“, но отличаются отъ современныхъ, испытавшихъ на себѣ дѣйствие 8-го закона Посвольскихъ „jaas“ (род. ед. его), „jäsh“ (род. мн. ихъ), Тильзит. „galvash“ (род. м. головъ) =Хвейдан. „galvash“, Корцян. „gallvash“. Вышеприведенные примѣры полнаго согласія между пралитовскимъ и др.-греческимъ языками, по отношенію къ интонаціямъ конечныхъ словъ, доказываютъ, что д-ръ Г. Гиртъ ²⁾ несправедливо приписываетъ др.-греческому языку странный переходъ, въ конечныхъ слогахъ, сильноначальной интонаціи въ сильноконечную и, наоборотъ, сильноконечной въ сильноначальную. Это ни на что не похожее мнѣніе можетъ быть отчасти объяснено незнакомствомъ съ тоническими законами литовского языка.

В. Спряженіе.

1. Изъ основъ настоящаго времени заслуживаютъ вниманія:
а) Помпянскія „dzchjaashnu“ (кладу для сушки), „grjaashnu“

¹⁾ См. у Гёттлинга, Allgemeine Lehre vom Accent der griechischen Spr. 1835, стр. 241 и сл.

²⁾ Der indogerm. Akzent, стр. 9 и 36.

(разрушаю), „kr^hašnu“ (складываю въ кучу), „ljaашно-si“ (перестою) и пр.; б) Вобольник. „sëēdzchi“ (сиджу), „zehqdzchi“ (цвѣту) и пр.; в) Помпян. „ar-önnku“ (слѣпну); г) Помпян. „tjaazch_u“ (mingo); д) Вобольник. „sijoeningə“ (ningit), Помпян. „schüöla“ (мерзнетъ); е) Вобольник. „brjanndə“ (бреду); ж) Помпян. „sjaanstu“ (старѣю).

а. Глаголы 3-го спряженія „dzchjaaui“ и пр.¹⁾ въ Помпянскомъ и другихъ Поневѣж. говорахъ спрягаются, въ полномъ согласіи съ нижелитовскимъ парѣчіемъ, по 4-му спряженію: „dzchjaashi“ и пр. = Хвейдан. и Ретов. „dzchjaashi“ и пр.

б. Въ Вобольник. и другихъ говорахъ глаголы съ первоначальною основою настоящаго времени на „-i-“ перешли, подъ вліяніемъ 1-го лица, въ 3-е спряженіе съ основою настоящаго времени на „-ja-“; такъ, напр., въ дер. Прусели говорять: „sëēdzchjø“ (сидить, -дятъ), „zehqdzchjø“ (цвѣтеть, -утъ) и т. д., вмѣсто Тильзит. „sëēdi“, „zehqdi“.

в. Этимологическій составъ Тильзитскаго глагола „arj-enk_u, arj-ekash, arj-ekti“ (ослѣпнуть) и тождественнаго съ нимъ Хвейдан. „arj-anku“, arj-akaash, arj-eekti“ изъ префикса „ari“, употребляемаго, напр., Тильзит. и Хвейдан. „ari-piljti“ (облить) и глагола „ank_u, akti (слѣпнуть), подтверждается Помпянскимъ „ar-önnku, ar-akö, ar-aaktj“ (ослѣпнуть), представляющимъ другую и самую обычную форму префикса „ar“. Стало быть, А. Шлейхеръ этимологически неправильно разлагаетъ „arjenku“ въ „ar-jenku“²⁾, но по однодіалектному фонетическому правописанію, изложенному въ §§ 13 и 22, З его лит. грамматики, послѣдовательно пишеть „e“ вмѣсто „a“, между тѣмъ какъ д-ръ Куршайтисъ, раздѣляя, въ § 1227 своей лит. грамматики, этотъ глаголь на составныя части: „arjenku“ и, вопреки своему § 513, оставляя „e“, произшедшее подъ вліяніемъ „j“ изъ „a“, впадаетъ въ двойную ошибку и вводитъ въ заблужденіе проф. А. Лескина³⁾ и О. Видеманна⁴⁾, орудующихъ воображаемымъ глаголомъ „*jenku, *jekash, *jekti“.

¹⁾ См. у О. Видеманна, Das lit. Prät. стр. 95.

²⁾ Lit. Gramm. § 114; Lit. Lesebuch, стр. 254.

³⁾ Der Ablaut der Wurzelsilben im Lit. стр. 67.

⁴⁾ Das lit. Prät. стр. 57, 66, 152 и 153.

г. Помпянскій глаголь „*mjaazchu*“ тождественъ по этимологическому составу съ Веліон. и Тильзит. „*meezchu*“, но рѣзко отличается отъ нижнелитовскаго, напр., Хвейдан. „*m̄qzchu*“ (вм. „*m̄qzchju*“ = латыш. „*m̄qzcha*“, др.-греч. „*omikheoo*“). Такъ какъ верхнелитовское прошедшее „*m̄qzchaash*“ и воопредѣл. „*m̄qzshti*“ по корню тождественны съ Хвейдан. „*m̄qzchaash*, *m̄qzshti*“, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти формы никогда не имѣли носового инфиксса, въ противномъ случаѣ Хвейдан. анусварный говорь произносилъ бы „**m̄qnzchaash*, **m̄qnshti*“¹⁾). Но такъ какъ Хвейданскому анусварному „*dr̄ensu*, *dr̄qnsaaash*, *dr̄qnsli*“ (дерзать) фонетически правильно соотвѣтствуетъ верхнелитовскій неанусварный глаголь, напр., Тильзит. „*dr̄eesu*, *dr̄qzsash*, *dr̄qfsti*“, то въ подражаніе искошенню отъ „*dr̄qzsash*“, *dr̄qfsti*: *dr̄eesu*“ образовалось въ неанусварныхъ говорахъ ассоціативное отъношеніе „*m̄qzchash*, *szqzshti*: *meezchu*“. Замѣтимъ, наконецъ, что Помпянскія „*mjaazchu*“, „*dr̄jaasu*“ и т. п. формы, вмѣсто фопетически правильныхъ „**m̄qzchu*“, „**dr̄qzsu*“ (ср., напр., Помпян. „*ar-kqfstj*“ съ Хвейдан. „*ar-keensti*“, Жвинг. „*ar-keensti*“), удерживаютъ „я“, прошедшее изъ пралит. „*e*“, благодаря аналогіи довольно многочисленныхъ глаголовъ со смѣшногласіемъ, напр., Помпян. „*pjarrku*, *riiggkō*, *riiggktj*“ (покупать).

д. Безличные глаголы: Вобольник. „*snjoenngə*“, Помпян. „*schööla*“ окраскою своихъ коренныхъ гласныхъ доказываютъ, что еще въ отдельной жизни восточноверхнелитовскаго поднѣрѣчія съ главнымъ удареніемъ произносился не корень, а суффиксъ; въ противномъ случаѣ вмѣсто „*snjoenngə*“, „*schööla*“ мы имѣли бы „**snqnnngə*“ въ Вобольниескомъ говорѣ, „**schishla*“ въ Помпянскомъ.

е. Въ пралит. языкѣ существовалъ звуковой законъ, въ силу котораго сонорные дифтонги со вторымъ элементомъ „*n*“ лишались его въ положеніи передъ „*s*“ и слѣдующимъ согласнымъ звукомъ. Поэтому спряженіе глаголовъ, въ корня которыхъ находился такой дифтонгъ, представляло слѣдующій видъ: 3 л. наст. вр. „**brennda-t*“, „**lennda-t*“; 3 л. прошед. вр.

¹⁾ См. Пам. Кн. Ков. губ. на 1893 г. Отд. II, стр. 143.

„*brindaa“, „*linda“; неопредел. накл. „*bristvëë“, „*listvëë“. Такъ какъ связь между фонетически правильными формами, по-видимому, разрывалась, то, для возстановленія единства ихъ, подвергалась обобщенію или форма корня съ носовымъ инфиксомъ, или же форма безъ такового; отсюда съ одной стороны возникли Хвейдан. „lçqstⁱ“ (лѣзть), Тильзит. „lçqstⁱ“, съ другой — Хвейдан. „bredu, bridaash, bristi“ (бресть), Тильзит. „bredu, bridaash, bristi“. Вобольник. „brjannd^e, bridö, brçqstj“, благодаря непослѣдовательности обобщенія формы безъ носового инфикса, въ основѣ наст. вр. brjanna“ — сохраняетъ остатокъ сѣдой древности.

ж. Помпянскій глаголъ „sjaanstu, sjanö, sjantj“ окраскою коренного гласнаго въ неопределенномъ накл. и — не только окраскою гласнаго, но и фонетически неправильнымъ „n“ передъ „s“ въ основѣ наст. времени обязанъ обобщенію формы прошед. времени. Если бы ассоціація грамматическихъ формъ не произвела своего дѣйствія по отношенію къ этому глаголу, то мы имѣли бы въ Помпянскомъ говорѣ фонетически правильныя „*sçqst^u, sjanö, *sçqntj“.

2. Первообразные глаголы, корень которыхъ передъ согласнымъ оканчивается на дифтонгъ „че“, напр. Помпян., Вобольник. и пр. „lçe-tj“ (литъ), „gçe-tj“ (кричать на кого) и пр. въ Поневѣж. говорахъ имѣютъ своеобразное спряженіе, отличное отъ верхнелитовскаго, какъ западнаго, такъ и восточнаго, а также отъ жемайтскаго; ср., напр., Помпяя., Вобольник. и пр. „asch lçeji, asch lëëjö, asch lçes; asch lçetj“ (1 передъ „че“ произносится мягко, передъ „ёё“ твердо) съ Веліон., Тильзит. „lëji, lëjaash, liësju, liëti“, Добейк. (Вилком. у.) „leju“ (съ твердымъ l), lëëjaash (съ твердымъ l), lçesju, lçetj“, Хвейдан. „leju“ (съ мягкимъ l), lçqjaash, lçqsi, lçqtⁱ“, латыш. „leiju, leeju, liaschu, liat“. Такимъ образомъ въ основаніи будущаго времени и неопределенного накл. лежитъ общая для всѣхъ говоровъ прототипная форма; по отношенію къ основѣ прошедшаго времени Поневѣжскія формы тождественны съ восточноверхнелитовскими и латышскими; основы настоящаго времени, наконецъ, тождественны въ Поневѣжскихъ и западноверхнелитовскихъ говорахъ. Само собою понятно, что въ виду этого крайне

странного разногласия почти не быть возможности восстановить правитовское спряжение рассматриваемых глаголов.

скимъ жемайтскія формы: „muschjaash“, „uzch-muschjaash“.— О. Видеману, несмотря на весьма тщательное изслѣдованіе литовского прошедшаго времени, не удалось, по его собственному заявлению¹⁾, открыть причину, по которой одни глаголы въ прошедшемъ времени принимаютъ основу на „-oo-“ („-шо-“, „-а-“); другіе — на „-ёё-“ („-чё-“, „-ja-“). По моимъ изслѣдованіямъ, эта причина лежитъ въ акцентуаціи пралитовскихъ основъ: всѣ баритонныя основы оканчивались на „-ee-“, напр., „*deg-ee-“, всѣ периспоменныя — на „-aa-“, напр., „*kirt-aa-“. Современные говоры литовского языка сохраняютъ слѣды этой акцентуаціи въ предложныхъ глаголахъ, корень которыхъ, виѣ сдвиженія съ префиксомъ, не имѣть сильнонаачальной интонаціи: всѣ пралитовскія основы съ начальнымъ удареніемъ въ сдвиженіи съ предлогами получаютъ удареніе на предлогахъ, напр., „su-deg-ёё-“; ни одна пралитовская основа съ пралитовскимъ наконечнымъ удареніемъ въ такомъ же сдвиженіи не получаетъ ударенія на предлогахъ, напр., „nu-kirrt-oo-“. Не имѣя возможности изложить здѣсь свой взглядъ на своеобразное происхожденіе литовского прошедшаго времени, я обращаю вниманіе на то обстоятельство, что въ периодъ прусско-латышско-литовскаго единства, до дѣйствія нашего 11го закона, оба типа основъ оканчивались на „-aa-“: „*deg-aa-“, „*kirt-aa-“ и только съ наступленіемъ дѣйствія упомянутаго закона, когда вмѣсто исконныхъ „*гаараа“ (рѣпа), „*каргваа“ (корова) и пр. появились „*гаарее“, „*каргве“, баритонныя основы прошедшаго времени приняли видъ „*degee“, отличный отъ морфологически тождественныхъ съ ними периспоменныхъ, напр., „*kirt-aa“.

4. Вобольник. условное наклоненіе, напр., „joes suktiš“ (онъ вертѣль бы, они вертѣли бы), своимъ насуффикснымъ удареніемъ согласно Оникштынскимъ „suktish“, но уклоняется отъ баритонныхъ Велен., Тильзит. „suktish“, Хвейдан. „suktum“. Нѣкоторые западноверхнелитовские и жемайтскіе говоры сохраняютъ слѣдъ старинной акцентуаціи этого наклоненія въ переднеисторичномъ удареніи съ сильнонаачальною или сильносрѣ-

¹⁾ Das lit. Prät. стр. 145 и 151.

динною интонаціями, при производствѣ условнаго накл. отъ глаголовъ, которымъ свойственна сильноначальная интонація; такъ, напр., въ Хвейданскомъ говорѣ отъ глагола „*būtī*“ (быть) имѣется единственное въ своемъ родѣ условное „*būtītās*“ (онъ былъ бы, они были бы); въ говорахъ Шавельскаго у., а именно въ Равдзянскомъ, по моимъ наблюденіямъ, и въ Янишскомъ, по личному сообщенію проф. кс. Ю. Шимайтиса, а также въ говорахъ Ковенскаго у. условное наклоненіе отъ всѣхъ глаголовъ съ сильноначальнойю интонаціею имѣть сильноконечную интонацію, напр., „*gaštī*“ (онъ получилъ бы, они получили бы) отъ глагола „*gaastī*“ (получить).

5. Вобольникское будущее время: „*asch suksi, tu suksi, joes suks*“ по мѣсту ударенія согласно со всѣми небаритонничающими говорами восточноверхнелитовскаго подиарѣчія и подтверждается Тильзит. и Веліон краткими гласными подъ передневторичнымъ удареніемъ въ „*plakjsu*“, „*su-prasju*“, „*dëksju*“ и т. п., а также Веліон. окраскою гласнаго въ „*kjepsju*“, въ противоположность третьему лицу наст. времени: „*kjaara*“.

6. Большинство Поневѣжскихъ говоровъ продолжаетъ употреблять старинное достигательное наклоненіе, или супинъ; такъ, напр., въ дер. Прусели (Вобольник. прих.) я слышалъ: „*ëёjam pa-si-gjaagtī*“ (мышли выпить вина); въ мѣстечкѣ Вобольники — „*atačk kjemipëstī*“ (приходи къ намъ въ гости; собственно: чтобы гостить). Замѣчательно, что неопределеннное накл. 1-го прусского катехизиса (1545 г.) въ предложеніи „*stwendau pergubuns wirst prey leigin(t)wey stans geiwans bhaaulauwus-sens*“ (Оттуда придетъ судить живыхъ и умершихъ) замѣняется во 2-мъ исправленномъ (того-же года) катехизисѣ достигательнымъ наклоненіемъ „*leygenton*“; слѣдовательно А. Вилль, употребляя въ 3-мъ катехизисѣ (1561 г.) въ перемѣшку формы на „*-twey*“, „*-twei*“ и „*-ton*“, „*-tun*“, обнаруживаетъ свое незнакомство съ духомъ прусского языка.

7. Согласно съ древнесю пословицею: „*humanum est errare*“, знаменитый изслѣдователь литовскаго языка, д-ръ Ф. Куршайтисъ въ своихъ грамматическихъ трудахъ высказалъ и одно ошибочное положеніе, такъ что каждый ученый, писавшій о томъ же языкѣ, по справедливому замѣчанію епископа А. Барановскаго

и г. Г. Вебера¹⁾, вносиль въ литовское языкоzнаніе существенныя поправки и дополненія; такъ, напр., выше я упомянулъ, что А. Мазингъ²⁾ исправилъ Куршайтисову именную акцентуацію, и весьма странно, что Ф. Н. Финикъ на 13-ой стр. своего изслѣдованія³⁾ упустилъ изъ виду Мазингову парадигму „galva“; точно также проф. А. Лескинъ въ своемъ изслѣдованіи, помѣщенному въ Гиртовой индоевропейской тонології⁴⁾ доказалъ, что литовскій языкъ на Прусской сторонѣ, вопреки § 112 Куршайтисовой лит. грамматики, употребляетъ краткіе гласные „а“, „ө“ подъ главнымъ ударениемъ въ довольно многочисленныхъ категоріяхъ словъ, что подтверждается моими наблюденіями надъ Веліонскимъ говоромъ. Поэтому неудивительно, что и мѣсто приходится внести существенную поправку въ Куршайтисову глагольную акцентуацію по отношенію къ мѣсту ударенія первообразныхъ, не имѣющихъ сильноначальной интонаціи глаголовъ въ сдвигеніи съ префиксами⁵⁾. Куршайтисъ ставитъ мѣсто ударенія предложного глагола въ зависимость отъ сильного или слабаго качества коревого слова простого глагола. Сильнымъ слогомъ онъ считаетъ такой, въ основаніи котораго лежитъ долгій монофтонгъ или дифтонгъ, какъ вокальный, такъ и сопорный, или же, иаконецъ, краткій гласный въ положеніи передъ двумя или болѣе согласными. Если же въ слогѣ находится краткій гласный и за нимъ слѣдуетъ одинъ только согласный, то такой слогъ считается слабымъ. Итакъ, если коренной слогъ простого глагола силенъ, то присоединеніе префикса не производить никакой перемѣны въ его акцентуаціи, ср., напр., „ne-jawtschjū“ (не чувствую) съ „jawtschjū“; напротивъ того, если онъ слабъ, то въ сдвигеніи удареніе падаетъ на префиксъ, напр., „ni-lekji“ (улетаю), въ противоположность простому „lekji“. Но эти правила основываются на ложномъ обобщеніи акцентуаціонныхъ свойствъ верхнелитовскихъ глаголовъ 3-го спряженія и, вслѣдствіе этого, отнюдь не примѣ-

¹⁾ Ostlit. Texte, стр. VII.

²⁾ Die Hauptf. des serb.-chorw. Accents, §§ 32, 36 и 41.

³⁾ Über d. verh. d. balt.-slav. nominalaccents zum urindogerm.

⁴⁾ Der indogerm. Ahzent, стр. 57 и сл.

⁵⁾ См. его Gramm. d. litt. Spr. §§ 1217—1220.

ними къ прочимъ спряженіямъ; ср., напр., *ap-kemschu*, *su-kerpu*, *at-kertu*, *ap-kremtu*, *isch-lendu*, *pri-meezchu*, *at-perku*, *pri-perschu*, *isch-reンku*, *su-sergu*, *pa-slenku*, *цц-teиru*, *ap-veиku*, *at-meзgu*, *ap-reзgu* и многочисленныя другія сдвиженія, приводимыя самимъ Куршайтисомъ въ литовско-нѣмецкомъ словарѣ, которыя, несмотря на сильное качество коренныхъ словъ соотвѣтственныхъ простыхъ глаголовъ, получаютъ удареніе на префиксахъ. Изъ сопоставленія, напр., предложного глагола „*pi-slenku*“ съ такимъ же глаголомъ „*pi-senku*“ явствуетъ, что качество коренныхъ словъ простыхъ глаголовъ: „*slenku*“ и „*senku*“ не играетъ положительно никакой роли по отношенію къ акцентуаціи предложныхъ глаголовъ 1-го, 2-го и 4-го спряженій.—Такъ какъ Куршайтисовы правила относительно акцентуаціи предложныхъ глаголовъ не согласны съ фактами языка, то само собою понятно, что попытка д-ра Г. Гирта¹⁾ осмыслить ихъ должна считаться излишнею, тѣмъ болѣе, что она въ свою очередь прибѣгаетъ къ предположенію задневторичнаго ударенія съ сильноконечною интонаціею, что идетъ въ разрѣзъ съ нашимъ 4-мъ тоническимъ закономъ. Тщательное изученіе говоровъ всѣхъ четырехъ подиарѣчій литовскаго языка привело меня къ слѣдующему выводу: если пралитовская форма первообразнаго глагола имѣла наконечное удареніе, то въ сдвиженіи съ префиксомъ ся удареніе получало перевѣсь надъ удареніемъ префикса; въ противномъ случаѣ удареніе префикса становилось главнымъ. Такъ какъ, напр., Вобольник. „*snjoenngə*“, Помпян. „*schööla*“ происходятъ отъ пралитовскихъ акситонныхъ формъ, а Вобольник. „*гццschə*“ (связываетъ, -ютъ), „*шшкə*“ (вертить, -тять)—отъ формъ съ начальнымъ удареніемъ, то въ сдвиженіи получаются съ одной стороны: „*ap-snjoenngə*“, „*pi-schööлə*“,—съ другой: „*aap-rischə*“, „*aap-sukə*. Считая лишнимъ приводить всѣ относящіеся сюда факты, я обращаю еще вниманіе на вполнѣ аналогичное явленіе въ области именныхъ сдвиженій штокавскаго нарѣчія сербо-хорватскаго языка: первоначальная и чакавскія формы: „*глаави*“ и „*глааву*“ въ сдвиженіи съ предлогомъ „*на*“ образуютъ штокавскія выраженія: „*на*

¹⁾ Der indogerm. Akzent, стр. 174 и сл.

глаави“ и „на глааву“; точно также пралитовскія: „*senke-t“ и „*slenka-t“ отражаются, напр., въ современныхъ Тильзитскихъ сдвиженіяхъ: „nu-sennka“ и „nu-slenka“.

III. Лексическая особенности.

Всѣ нарѣчія и говоры литовскаго языка пользуются въ сущности однимъ и тѣмъ же запасомъ словъ, такъ что лексическая особенности, составляя исключеніе, ограничиваются отдѣльными случаями и, вслѣдствіе того, служатъ характеристическими признаками соответственныхъ говоровъ.

Предлагаемый здѣсь перечень лексическихъ особенностей Поневѣжскихъ говоровъ заключаетъ въ себѣ слова, заслуживающія вниманія въ морфологическомъ или семантическомъ отношеніи, и составленъ такъ, что реченія, упоминаемыя въ предшествующихъ главахъ, въ немъ не повторяются, приводимыя же слова всѣ записаны по произношенію народа, съ указаніемъ мѣстностей, где они мною слышаны.

„aagla“ (Помпяны) ель = „eegl  “ (Тильзит.), „eegl  “ (Хвейданы), рядомъ съ которымъ въ Хвейданахъ говорятъ на Помпянскій ладъ „aglaa-schakj  “ (вѣтвь ели).

„арц-намѣ“ plur. tant. (Іоганишкели) усадьба, все что лежитъ вокругъ дома.

„aarklas“ (Помпяны) соха = „zchaagr  “ (Тильзит.), „stangutas“ (Мемель), „zchaagr  “ и „zch  mbis“ (Хвейданы). Замѣчательно, что въ Помпянскомъ говорѣ „zchaagre“ означаетъ „сошникъ“: „aarklas t  shgr  a dvi zchagres“.

„avjaala“ (Посволь, Помпяны) овца, по формѣ = уменьшат. „aveelj  “ (Тильзитъ), но по значенію тождественно съ малоупотребительнымъ первообразнымъ „avis“ (Посволь). Кстати замѣтить, что въ Поневѣж. говорахъ уменьшительное окончаніе „-jeelqs, -jaala“ замѣняется окончаніемъ „-aalqs, -aala“, если предшествуетъ сonorный звукъ „l“; такъ, напр., отъ „sch  qlas“ (сосновый лѣсъ), „kaaqlqs“ (овчина), „kaashlas“ (кость) и т. п. уменьшительная звучать: „schilaalqs“, „kaqlaalqs“, „kashlaalqs“ (съ твердымъ „l“ передъ „aa“). Принимая въ соображеніе, что западноверхнелит. „saaulj  “ и т. п. въ Поневѣж. говорахъ

произносится „*Sashala*“ и что отъ многосложныхъ, напр., „*aavinas*“, „*vaanagas*“ въ Тильзит. образуются уменьшительныя: „*avinëëlis*“, „*vanagjëëlis*“, мы должны заключить, что въ пралитовскомъ уменьшительныя звучали: „*schileelq̄s“, „*кацлеелq̄s“, „*кашлеелq̄s“, не отличаясь отъ „*avineelq̄s“. Съ Поневѣж. „-aalq̄s“ не надо смѣшивать нижнелитовское „-alis“, напр., въ Хвейдан. „*kšodaalis*“ (= др.- греч. „keetharion“), „*schunaalis*“ (= др.- греч. „kynarion“), употребляемое независимо отъ предшествующихъ звуковъ и имѣющее исключительно уменьшительное значеніе, между тѣмъ какъ „-elis“ сопровождается оттѣнкомъ ласкательности, напр., въ Хвейдан. „*kšodeelis*“, „*schuneelis*“ и т. и.

„*baalzganas*“ (Помпяны) бѣловать = „*ballvas*“ (Тильзитъ, Хвейданы); ср. латыш. „*ballgans*“ ¹⁾.

„*baaslq̄s*“ (Помпяны) колъ забора = „*kuolas*“ (Тильзитъ), „*kšolas*“ (Велюна), „*mëøts*, род. *mëøcta*“ (Ретово), „*mq̄ts*, род. *mq̄cta*“ (Хвейданы), „*mq̄ëts*“ (Жогини, Шидлов. прихода. Россіен. у.); ср. слѣдующій глаголь.

„*bedu*, *bedzchjö*, *beestj*“ (Помпяны) колоть, втыкать въ землю; копать, напр., картофель (дер. Мелане, въ разстояніи полъ версты отъ Гелажъ, Вобольник. пр.). Отсюда происходятъ: „*baaslq̄s*“ и „*badaš*“ (Тильзитъ), „*badaash*“ (Хвейданы).

„*blëësta*, *blëësa*, *blëëstj*“ (Помпяны) гаснуть и покрываться золою, напр., „*zcharq̄cjas*, önnegljë (= *annglq̄s*), *ugnis blëësta*“. Куршайтись приводить этотъ глаголь въ лит.-нѣм. словарѣ съ сильноначальною интонациею.

„*breekqs*“ (деревня Прусели, Вобольник. прихода) шишка = „*kõnkšorq̄czchis*“ (Хвейданы, Ретово), ср. др.-инд. *bhr̄ça*: *bhraçijas* ²⁾.

„*brq̄ezchla*“ (Иоганишкели) дергачъ = „*griëzchljëë*“ (Тильзитъ), „*grëq̄zchq̄ëlq̄ëë*“ (Ретово), „*grq̄zchq̄ëlq̄ëë*“ (Хвейданы), „*drq̄ëzchljëë*“ (Эйрагола, Ковен. у.).

„*bšuljva*“ (дер. Римкуны, по-лит. „*Rinkšspö*, Помпяны. пр.) и „*bšuljava*“ (дер. Мейлюны, того-же пр.) картофель.

¹⁾ У Билеништейна, Die lett. Sprache, § 227, 2.

²⁾ I. Wackernagel, Altind. Gr. I, § 63 а.

„*bšolq̄s* м., *bšola* ж.“ (дер. Римкуны) и „*dšolq̄s* м., *dšola* ж.“ (дер. Мейлюны) безрогий, -ая = *schmulis* м., *schmuljē* ж.“ (Хвейданы).

„-de“ суффиксообразный корень глагола „*dēētj*“ (власть), посредствомъ котораго въ Линковскомъ и другихъ говорахъ образуются названія хлѣвовъ по имени содержимыхъ животныхъ: „*arklq̄-de*“ (коношня), „*avq̄-de*“ (овечій хлѣвъ), „*galjvq̄-de*“ (скотный дворъ), „*kjaulq̄-de*“ (свиной хлѣвъ), „*zchosq̄-de*“ (гусятникъ); сюда же относятся: Тильзит. „*pelu-dēē*“ (мякиница) = Хвейдан. и Ретов. „*pelu-dēē*“, Ширвидасово „*alu-de*“ (боченокъ; собственно: пивная бочка) ¹⁾ и Хвейдан., Ретов. „*ati-dēē*“ (отлагательство).

„*ëēglq̄s*“ (Логанишкели) можжевельникъ = „*kadagq̄s*“ (Тильзитъ), „*kadugq̄s*“ (Веліона), „*kadagq̄q̄s*“ (Хвейданы), „*virbinis*“ (Эйрагола).

„*gječprstə, gječvbō*“, *gječptj*“ (Вобольники) умирать; но употребляется этотъ глаголъ всегда съ извѣстнымъ оттѣнкомъ презрѣнія, напр., когда говорится о смерти еврея = *n̄iši-stipti*“, „*n̄iši-sprndq̄eti*“ (Хвейданы).

„*irrschtschi*, род. *irrschtschjas*“ (Помпяны) рысь, рыска = „*ristschja*“ (Тильзитъ), „*ristsche*“ (Хвейданы).

„*jšosmo*, вин. *jšosmenq*“ (Линково) и „*jšozmo*, вин. *jšozmenq*“ (Криничинъ) родъ пояса, поддерживающаго брюки; ср. др.-греч. „*dzooma*“.

„*kjeselq̄s*“ (Вобольники) корзина, въ которой несется мякина лошадямъ = „*tarönnkis*“ (Хвейданы); „*kjeseljšškəs* (ibid.) обыкновенная корзина; ср. латин. „*quasillo-*“ (корзинка) и лит. „*kasa*“ (сплетенные волосы).

„*kšoži*, род. *kšožas*“ (Помпяны) плотва = „*kooja*, вин. *kšožš*“ (Добейки, Вилком. у.), „*bruq̄schēē*“ (Тильзитъ), „*gašda*“, род. *-šoos*, вин. *gaашda*“ (Хвейданы). Приводимое Куршайтисомъ въ л.-и. словарѣ „**knoja*“, вместо „*knoja*“, обязано своимъ происхожденіемъ смѣшанію рукописнаго „*u*“ и „*n*“.

„*kukšwrbēzdelq̄s*“ (Логанишкели) bovista = *skuzbezdalis*“

¹⁾ См. Dictionarium trium linguarum, 1713, стр. 228, в, 41.

и „kuzbezdalis (Тильзитъ), „kuzbezdis“ и „rōtr̄šota_akschlis“ (Хвейданы), „rōtr̄šota_aschkis“ (Полангенъ, Курлянд. губ.).

„Lēēvo, род. Lēēvenjes“ (Помияны), „Lēēva“, род. Lēēvenjes“ и „Lēēvenis, род. Lēēvenjes“ (Посволь) имя собств. рѣки Лавены.

„lječprstø, lječprö, lječprtj“ (Вобольники) падать въ обморокъ = „apstu“ (Тильзитъ, Хвейданы).

„lidψs“ (Вобольники) щука = „lqqd-ek-a“ (Тильзитъ, Хвейданы), „lqqd-ek-s“ (Корцины, Тельш. у.). Прилагательное „*lqqdas“, вмѣсто „*lqqv-da-s“ (ср. Тильз. „gqψ-sakjač“ вм. „gqqv-sakjač“), отъ которого производится „lidψs“, вм. „*lqqdqψs“, и которое имѣется въ первой части притяжательного сложенія (=др.-инд. bahu-vrqqhi) „lqqd-ek-a“ (ср. Хвейдан. „dvi-schaks, dvi-schak-a“ bisuleus и Веліон. „jšod-bruvias, jšod-bruv-a“ чернобровый, -ая) я считаю тождественнымъ съ латин. „liividus“ (ср. „aas-id-ini-s“, „aaz-d-iui-s“, отъ „aasa“, въ лит.-нѣм. сл. Куршайтиса), такъ что первому соотвѣтствовало бы латин. „*liividius“, второму — „*liivid-oculus“; лит. „ljsištis (левъ, ср., напр., Хвейдан. „stiprus kaap ljsištis“; собственно: „желтый“) относится къ „*lqqv-(i)-das“ точно такъ же, какъ др.-инд. „sjišiš-ta-s“ (=лит. „sjišiš-ta-s“) къ „sūqv-jaami“.

„lijšundra (Помияны) = „lqjunda“ (у Куршайтиса, въ лит.-нѣм. словарѣ).

„mastis, род. mastjes“ (Помияны) тесёмка и „mastö, mastschjö, mastqψtj“ (ibid.) вязать = „makstqψti“ (Тильзитъ), происходя отъ корня „mezg“ (напр., въ Тильз. Хвейдан., „mezgu“) посредствомъ прототипныхъ формъ „*mask-ti-s“, „*mask-stash“, напоминаютъ собою отишениe латинскаго „gestis“, изъ „*resc-ti-s“, къ корню литовскаго глагола „rezgi“.

„-teene“ суффиксъ, посредствомъ которого образованы употребляемыя въ дер. Прусели и пр.: „jašni-teene“ (молодежь), „didu-teene“ (1. взрослые члены семьи; 2. знать), „mazchi-teene“ (1. малолѣтніе члены семьи; 2. мелкія домашнія животныя) = „jašniš-teenē“, „didišiš-teenē“, „mazchiš-teenē“ (Хвейданы); „jašniš-teenē“ и пр. (Корцины, гдѣ вмѣсто индоевроп. „oo“ говорить „ö“, напр., въ

„döösti“ дать); у Даукантаса, въ его историческомъ сочиненіи: „*Bishi das senoovës Lüetvijš*, Petroopilçé, 1845“, читаемъ „jaipoishene“ (34, 2), „didoamene“ (42, 26. 60, 4. 234, 18) съ дифтонгомъ „oi“ (= индоевроп. „oo“). Такъ какъ вмѣсто ожидаемыхъ дифтонговъ „шо“, „öш“ передъ губными согласными встрѣчаемъ очень часто „ши“, напр., въ Ретов. „*shims*“, „*shita*“ (несущеный, „*shims javus kpijti*“) = др.-греч. „*oomos*, -е€“, Корцян. род. мн.: „*tashm*“ (тѣхъ), „*trijashm*“ (трехъ), „*aujashm*“ (овецъ), „*schunashm*“ (собакъ) вмѣсто „**tööshm*“ и пр. = др.-греч. „*toon*“, „*trioon*“, „*o-i-oon*“, „*kynoon*“, то мы должны возстановить прототипные формы: „**jašnööshenee*“, „**didööshenee*“, „*mazchööshenee*“, въ которыхъ „öö“, за исключениемъ Даукантасовыхъ формъ съ дифтонгомъ „oi“, подверглось вліянію губного согласнаго; баритонничающій говоръ Даукантаса нерѣдко сохранилъ „oi“ (=индоевроп. „oo“) вмѣсто „ши“ передъ губнымъ согласнымъ другихъ говоровъ, напр., въ „*soupcne*“ (ibid. стр. 70, 9) вмѣсто Тильзит. „*sashrçpne*“. Поэтому я предполагаю въ пралитовскомъ языкѣ существование отъименныхъ глаголовъ: „**jašnöötvëe*“, „**didöötvëe*“, „*mazchöötvëe*“ (ср., напр., „*gçvçoti*“ отъ „*gçvvas*“), отъ которыхъ медиальная причастія настоящаго вр. звучали: „**jašnöö-men-a-s*“, „**didöö-men-a-s*“, „*mazchöö-men-a-s*“¹⁾ (ср. прусск. „*ro-klausii-man-as*“ въ 3-мъ катих. 27, и др.-греч. „*rhero-men-o-s*“), лежащія въ основаніи современныхъ собирательныхъ „*jašnimeene*“, „*jašnashmeene*“, „*jaipoishene*“ и пр.

„*molatoe*, вин. *moolatii*“ (Вобольники) желна, *picus viridis* = „*meleta*“ (Тильзитъ, Хвейданы).

„*moolja-bestqs*“ (Криничинъ) глиница = „*mool-kasis*“ (Тильзитъ), „*mholj-meedis*“ (Хвейданы); ср. у Куршайтиса, въ л.-н. сл. „*mol-bedis*“ и глаголь „*bëdu*“.

„*nagçqt-zchola*“ (Помпяны) *stipetes dulcamarae* = „*karklavijes*, род. -*viju*“ plur. tant. (Хвейданы).

¹⁾ Эти причастія, по образованію тождественныя въ Хвейданскими „*lçqg-min-s*“ (exaequatus), „*laga-min-s*“ (тюкъ, чемоданъ), остались неизвѣстными I. Шмидту. Kritik der Sonantentheorie, 1895, стр. 101.

„nje^{em}-ogje, им. мн. nje^{em}ogjes“ (Иоганишкели) черника = „mēlq^qnē, им. мн. mēlq^qnēs“ (Тильзитъ), „mēlinis, им. мн. mēlinee“ (Хвейданы).

„p^qndre“ (Вобольники) трость = „neendrē“ (Тильзитъ), „lēendrē“ (Хвейданы, Ретово), „m^qndre“ (Дусяты, Новоалекс. у.), „qndre“ (Лынкманы, Свенцян. у. Вилен. губ.). Все это разнообразие областныхъ видоизмѣнений произошло, посредствомъ диссимиляціи двухъ „г“ въ смежныхъ слогахъ, отъ одной и той-же прототипной формы „*rendrē“ (скважистая); ср. др.-инд. „randhra-ny“ (пещера) и Тильзит. „rinda“ (корыто).

„pa-^{sh}unksne“ (дер. Прусели) тѣнистое мѣсто = „shksm^qē“, „uzch-^{sh}uksmō“ (Хвейданы); ср. у Ширвидаса ¹⁾ „unksna“ (тѣнь).

„pēer-kul-a-s“ (Помпяны) заколъ = „per-seēda“ и „va-arzcha“ (Велюна), „takisc^qqs, вин. taakischi“ (Хвейданы).

„P^qvasa“ (Помпяны), „P^qves_o“ (дер. Прусели) имя собств. рѣчки Пивесы; ср. др.-инд. „r^qv^{as}-“.

„pli-durrkē“ (Криничинъ) нижняя часть женской сорочки = „pa-durrkaai“ (Тильзитъ), „rg^q-du-gaa“ (Хвейданы); „pli-durrkē“ вмѣсто „pri-durrkaa^q“ вслѣдствіе диссимиляціи двухъ „г“ въ соприкасающихся слогахъ.

„pl^{sh}osch-ta-s“ (Помпяны) волокно = „skara“ (Хвейданы), „ploscht^qngas“ (ibid) волокнистый = „skar^qtots“ (Хвейданы). Такъ какъ „pl^{sh}osch-ta-s“ несомнѣнно происходитъ отъ „plēesch-tj“ (рвать), то заслуживаетъ вниманія чередование „шо“ (=индоевроп. „oo“): „ëё“ (=индоевроп. „ee“), соответствующее Вобольникову „slwogəs“: „slëek-tj“.

„pri-bunndē, pri-badō, pri-baastj“ (дер. Прусели) начинать чувствовать недостатокъ = pri-st_okst_u, pri-st_ooka^q, pri-st_ookti“ (Тильзитъ), „pri-kamri, pri-karaash, pri-kaapti“ (Хвейданы).

„r^{sh}ipnis, род. r^{sh}ipnjes“ (Криничинъ) мякиница = „peludē“ (Тильзитъ), „peludē“ (Хвейданы).

„Rastaawskine“ (Помпяны и пр.) имя собств. мѣстечка Подбиржи.

¹⁾ Dictionarium trium linguarum, 1713. стр. 29, б. 1.

„гЧесчёс, им. мн. reschё (Вобольники) суставъ, соединяющій кисть руки съ предплечiemъ и стопу съ голеню.

„saашqыс, вин. saашgusq“ (дер. Прусели) взрослый, изъ „*su-аашgens (ср. „наaje“, „нёёje“ = nu-ёёjo“ у. Э. Вольтера¹); сравнительная степень „saашgjeesnqыs“ (ibid). Съ Пруссельскими слитными „saашqыс“, „saашgjeesnqыs“ не надо смѣшивать Хвейданскія простыя „аашgis, вин. аашgusi“ (пожилыхъ лѣтъ), срав. степ. „аашgjeesnis“ (старше возрастомъ), особенно употребительн. въ жен. родѣ „аашgjeesnё“, такъ какъ „uцgreesnё“ слишкомъ живо напоминаетъ собою „uцgras“ (мужъ) и, вслѣдствіе того, по отношенію къ женщинѣ кажется нѣсколько страннымъ.

„silljsi, silsёёjо, silsёёjt“ (Вобольники) отдыхать = „iljsju, iljsёёjaash, iljsёёti“ (Тильзитъ), „ilsu, iljsЧёjaash, ilsЧёti“ (Хвейданы). Въ своихъ запискахъ я нашелъ „aat-siisis“ (отдыхъ), записанное по личному сообщенію уроженца Сувалкской губ., кс. К. Прополяниса, г. секретаря Могилевского Архиепископа-Митрополита, но безъ указанія мѣстности его употребленія. Во всякомъ случаѣ вполнѣ достовѣрное „aat-siisis“ доказываетъ, что начальное „s“, исчезнувшее въ Тильзитскомъ и Хвейданскомъ глаголахъ, вѣроятно, вслѣдствіе диссимилияціи, распространяется далеко за предѣлы Поневѣжскихъ говоровъ.

„sirrpstё, sirrba, sirrptj“ (дер. Прусели) созрѣвать, поспѣвать (только по отношенію къ ягодамъ, напр., „uшogas isirrbq“, ibid.) = sirrpsta, sirrpo, sirrpti (Тильзитъ), „sirrpst, sirrpa, sirrpti“ (Хвейданы). Въ Тильзит. „sirrpo“, Хвейдан. „sirgra“ „р“ обобщено изъ формъ, суффиксы которыхъ начинаются глухимъ согласнымъ. Первоначальное значеніе этого глагола сохранилось у Даукантаса²): „kiti midaunitschju össtaliesi sirpo, oustus sökdamis“ (другіе за столами ресторановъ сидѣли съ красными лицами, покручивая усы) и въ названіи смородины „serbenta“ (Тильзитъ), „serbeёnts“ (Хвейданы), первоначально означавшемъ „красную“ смородину (*ribes rubrum*), какъ и нынѣ въ пѣкоторыхъ литовскихъ говорахъ, но привя-

¹⁾ Приложение къ LIII-му тому Записокъ Имп. Академіи Наукъ, № 3, 1886, стр. 140, 2.

²⁾ въ цит. м. стр. 234, 2.

шемъ обычное значение „черной“ смородины (*ribes nigrum*). Такимъ образомъ корень „*serb-*, *sirb-*“, отъ которого происходит латин. „*sorbus*“ (рябина), въ литовскомъ языке подвергся значительной звуковой и семантической перемѣнѣ.

„*sn̄q̄garotj*“ (Помпяны) падать едва примѣтными частями (о сиѣгѣ) = „*sn̄aq̄ḡqtī*“ (Тильзитъ), *sn̄ign̄shoti*“ (Хвейданы).

„*soodzchis*, род. *soodzchjōs*“ (общепоневѣж.) деревня = „*kaacma*“ (Веліона), „*s̄moda*“ род. -*shōs*, вин. *s̄moda*“ (Хвейданы).

„*spaljgjenoē*, вин. *spalljgjeniš*“ (Вобольники), клюква = „*spannguoljēē*“ (Тильзитъ), „*spöndgshälē*“ (Хвейданы), „*spönn-göälē*“ (Ретово).

„*sparrva*“ (Помпяны) оводъ = *vapsa* (Тильзитъ), „*b̄q̄m̄baals*“ (Хвейданы).

„*sudooklqs*“ (Краничинъ), „*sidoooklqs*“ (Линково) оселокъ, которымъ острится коса = „*badēē*“ (въ южной части Прусской Литвы), „*badēē*“ (Виштынецъ, по-лит. „*Vischtq̄tis*“, Сувалк. губ.), „*gudēē*“ (Хвейданы); ср. соотношеніе между Краничинскимъ „*sudaabrēs* (серебро) и Линков. „*sidaabrēs*“.

„*s̄w̄lsas*“ (Помпяны) парша = *saw̄sis*“ (Тильзитъ), „*suskis*“ (Хвейданы, гдѣ „*suskis*“ имѣть и другое значеніе: „паршивый человѣкъ“; ср. авесм. „*hushkoo*“).

„*schalima*“ (Помпяны) теплота = *schiluma*“ (Тильзитъ, Хвейданы).

„*schq̄kschtas*“ (Помпяны) неудобопрокаливаемый, твердый; морфологически тождественное съ нимъ Хвейданское „*schq̄kschts*“ означаетъ „скучой“.

„*schikschnqs*“ (Вобольники) летучая мышь = *schikschnoo-spaarnis*“ (Тильзитъ), „*schikschniš spaarnis*“ и „*schikschniq̄-spaarnis*“ (Хвейданы). „*Schikschnqs*“: „*schikschnoo-spaarnis*“ = „*lidqs*“: „*lq̄qd-ek a*“.

„*шшт-ed-e*“ (Помпяны) родъ гриба: der *süssling* = „*rēq̄-nq̄ēē*“ (Ретово), „*r̄q̄q̄nq̄ēē*“ (Хвейданы); по отношенію къ первой части Помпянского сложнаго слова ср. жемайт. „*шштms*“ (подъ „*-meone*“) = др.-греч. „*oomos*“, др.-инд. „*aamas*“.

„шшzchalas“ (Помпяны), „шшzcholəs“ (Криничинъ) дубъ = „aauzchuolas“ (Тильзитъ), „öönzchööls“ (Ретово), „öönzchööls, род. öönzchööla“ (Дорбяны), „öönzchööls (Хвейданы), „öönzchööls, род. -чqqs“ (Колтынины, Россиен. у.), „aanzchööls“ (Жвинги, тоже Россиен. у.), „aarzchööls“ (Годлево, по-лит. „Garljava“, Сувалк. губ.). По моему мнѣнію, всѣ только что перечисленныя разновидности восходятъ къ одной и той-же прототипной формѣ „argzchöörg“.

„uzchuo-darbq̄s“ (Вобольники) заработокъ = „uzch-darbq̄e“ (Хвейданы); ср. Тильзит. „uzchuo-maarscha“.

„vapsva“ (Помпяны), „vapsvoe“ (Вобольники) оса = „vapsa“ (Хвейданы), „vapsa“ (Тильзитъ), съ переноснымъ значеніемъ „оводъ“; потеря звука „v“ въ Тильзит. и Хвейдан. речениіи произошла въ баритонныхъ формахъ, напр., въ винит. ед. „vaapsa“; ср. Хвейдан. „brastva“ (бродъ), „löönstvas, им. мн. löönstvaa“ (гнѣзда для гусей) съ Тильзит. „brasta“, „laasta, им. мн. laastoos“.

„Vaschkē“ plur. tant. (Посволь и пр.) имя собствен. мѣстечка Константиново.

„vЧeversq̄s“ (Помпяны), „voversq̄s, вин. vooversq̄“ (дер. Прусели) жаворонокъ = „vivirsq̄q̄s, вин. vivarsi“ (Хвейданы).

„vīgq̄vē“ (Линково) собирательное сущ., всѣ домохозяева известной деревни = „vīgrija“ (Владиславовъ, по-лит. „Naštq̄estis“, Сувалк. губ.); ср. Хвейдан. „ršopq̄vē“ (знать).

„vq̄tq̄s“ им. мн. (Пушолаты) лозы, которыми связываются колъя забора, по сильноконечной интонаціи сходно съ Хвейдансскимъ „vq̄tis, вин. vq̄tī“ (лоза, прутъ, розга), но отлично отъ Тильзитскаго однодialectнаго „vq̄tis“, несправедливо употребляемаго г. F. de Saussure для подтвержденія предполагаемаго имъ крайне сомнительного тонического закона¹⁾.

„vööndvō“ (Помпяны) вода, „vööntə“ (Пушолаты) вѣникъ = „шшmdo“, „шшntə“ (Вобольники), „unndöösh“, „шшnta“ (Тришки, Шавельск. у.), „vanduo“, „vaanta“ (Тильзитъ), „vondшшш“ (Хвейданы). Изъ этого сопоставленія явствуетъ,

¹⁾ См. Mémoires de la soc. de lingu. de Paris, т. 8, стр. 427.

что „v“ удерживается передъ „ap“, „öp“, но исчезаетъ передъ „ip“, „isp“.

„zchabaala“ (Криничинъ) слѣпень, отъ „zchaabales“ (слѣпъ) = „aakljëe“ (Коадъюты, въ Пруссіи) и „aaklis“ (Хвейданы), отъ „aaklas“: „aaklas“ (слѣпъ).

„zchuzchirbë“ (Криничинъ), „zchuzchelkë“ (Линково) искра, отдѣляющаяся отъ раскаленного металла=zchuzchirba“ (Веліона).

Въ заключеніе настоящей статьи скажемъ, что безпристрастный читатель долженъ придти къ неизбѣжному выводу, что изслѣдованіе говоровъ литовской рѣчи, проведенное по всѣмъ уѣзdamъ Ковенской губ. (*), проливаетъ обильный свѣтъ на всю литовскую грамматику и что поэтому наука несомнѣнно будетъ благодарна Ковенскому Статистическому Комитету и составителю Ковенской Памятной Книжки за сообщеніе литовскихъ діалекто-логическихъ свѣдѣній.

Kс. K. Яенисъ.

М. Равдзяны, 1897 г. Декабря 20 дня.

(*) См. отдельные описания уѣздовъ Ковенской губ. К. П. Гуковского.